

но спросить с виновных лиц с явными доказательствами этого, а казенные суммы – с крестьян [3, с. 186–187].

Интересны, на наш взгляд, и мнения очевидцев данных беспорядков (горожан-шадринцев и самих крестьян), как ни странно, во многом совпадающие, хотя горожане высказывались о выступлениях в самом их начале так: «Да они одурели! Кто это им (крестьянам) натолковал об уделе, которого нет здесь, не было и не будет... С мужиками ведь, как с баранами, скоро не сладишь» (Там же, с. 121). Оценка же выступлений самими восставшими в конце выступлений была такой: «...была, говорят, в старые годы Пугачевщина, да не в пример была легче, а это наша завароха, бунтовка, солона досталась нам... Сами мужики виноваты, без ума сдурели!» (Там же, с. 183).

Эти впечатления поддерживаются и словами очевидца, который в частной беседе с А.Н. Зыряновым в 1852 г., после описания всех бед крестьянских, пытается объяснить причины этих выступлений и говорит так: «Только вот, что говорят наши мужики: что если бы они не бунтовали в 1843 году, то чисто ушли бы все под барина, а то вот отстоялись этой заварохою» (Там же, с. 189–190). Другими словами, недовольство все же осталось, как и недоверие – даже тогда, когда после событий прошло много лет.

А.Н. Зырянов указывает на те причины волнений, которые, по его мнению, действительно имели место. Народ, как ему казалось, «не сочувствовал общественным запашкам, завести которые вдруг от него потребовали <...> противился введению картофеля, не отвечавшего религиозному воззрению на сей овощ раскольников. Народ также изумился при виде форменных кафтанов с галунами и светлыми пуговицами, надетых на писарей и мужиков начальников. Все это вместе взятое, окончательно затуманило крестьянский здравый рассудок» (Там же, с. 117–118). Конечно, данное мнение А.Н. Зырянова субъективно, но ценно тем, что открывает еще одну точку зрения на данные события, сохраняя для нас, пришедших намного позднее, возможность узнать о самом факте происшедшего.

Литература

1. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева : в 2 т. М.; Л., 1946. Т. 2.
2. Зырянов А.Н. Шадринский уезд в апреле 1842 года // Пермский сборник. Кн. II. Отд. IV. Пермь, 1860.

3. Зырянов А.Н. Крестьянское движение в Шадринском уезде Пермской губернии в 1843 году // Шадринская старина. Краеведческая хрестоматия. Вторая половина XVII – первая половина XIX века. Шадринск, 1996.

4. Мамсик Т.С. Крестьянское движение в Сибири. Вторая четверть XIX века. Новосибирск, 1987.

5. Пундани В.В. Государственная деревня Урала и Западной Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX века. Курган, 1999.

Comparative analysis of peasants' revolt in 1842 – 1843 in the Shadrinsky County (based on the material of the essays by A.N. Zyryanov)

There are described the results of comparative analysis of peasants' revolts at the beginning of 1840s in Trans-Uralian province (Shadrinsky County of Perm province) on the basis of the material of the ethnographer A.N. Zyryanov, full member of the Russian geographic community of the second half of the XIX century.

Key words: riot, freedom, state peasants, potato, feudal land tenure, landlords, clergymen, officials.

И.В. МАКСИМОВА
(Волгоград)

КУЛЬТУРА РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ в конце XIX – начале XX в. (по материалам уездных городов Саратовской губернии)

Рассматриваются особенности формирования и развития культуры российской провинции в эпоху раннеиндустриальной модернизации. По материалам уездных городов Саратовской губернии раскрываются основные факторы складывания и функционирования городской культурной среды.

Ключевые слова: культура провинции, уездный город, модернизация, урбанизация, городская культура индустриального типа.

На современном этапе развития наблюдается всплеск как общественного, так и научно-интереса к различным аспектам провинциальной культуры. Предпринимаются попытки

ки по-новому взглянуть на этот многогранный феномен российской действительности и оценить его.

Одним из наиболее перспективных междисциплинарных направлений в изучении культуры российской провинции выступает теория модернизации. Историографический анализ свидетельствует о плодотворности и широких возможностях применения данной теории к реалиям провинциальной жизни как на общероссийском, так и на местном уровне [2; 11].

Хронологические рамки нашего исследования охватывают период конца XIX – начала XX в., соответствующий раннеиндустриальной стадии модернизации России. Территориальные границы сосредоточены на уездных городах Саратовской губернии, таких как Аткарск, Балашов, Вольск, Камышин, Кузнецк, Петровск, Сердобск, Хвалынский, Царицын.

Под «провинцией» мы понимаем социокультурное пространство жизни в нестоличных и малых городах. Данная трактовка соответствует так называемому типу «большой провинции» и представляется в выбранном контексте модернизации наиболее оправданной. Ведь «логос» провинции, ее самосознание творит город.

Уездный город в силу своего особого промежуточного состояния между деревней и губернским городом выступает олицетворением двух миров – традиционно-деревенской и новой индустриальной России. Обращение к культурному наследию уездных городов Саратовской губернии позволяет, с одной стороны, наиболее полно проследить характер и динамику изменений, охвативших страну при переходе от традиционного к современному обществу, с другой – дает возможность представить социокультурный облик российского города в целом.

Приступая к изучению культурного наследия Поволжского региона, необходимо учитывать характерные черты, присущие провинциальной культуре в целом. Кратко обозначим их: особый темп культурного движения, как следствие – самобытность провинциальной культуры, ее диалогичность; традиционность, а значит, ограниченность перемен, ориентация на сохранение народных, почвенных традиций; узкий круг культурных деятелей, как следствие – склонность к персонификации культуры, непосредственность общения творцов культуры и ее потребителей.

Новые веяния в развитии русского города определялись в рамках модели либерально-

консервативной модернизации страны и вели к утверждению городской культуры индустриального типа. Данный процесс, обозначаемый как «урбанизационный переход», отличался противоречивым, ограниченным характером. Российская империя в начале XX в. продолжала оставаться аграрно-крестьянской страной с замедленными темпами урбанизации.

Формирование городской культурной среды как определенной сферы существования и взаимодействия культурных традиций и новаций – длительный и комплексный процесс, определяемый влиянием разновеликих взаимодействующих факторов. К ним относятся а) природно-географические факторы (особенности природно-климатических условий, близость к столичным центрам и пр.); б) административный статус города; в) хозяйственно-экономическое положение региона, включая состояние транспортной сети, уровень торгово-промышленного развития города; г) демографический фактор; д) своеобразие местных историко-культурных традиций. Остановимся подробнее на раскрытии значений выделенного комплекса факторов.

В истории любой страны, особенно на ранних этапах ее развития, большую роль играют природно-географические факторы. Саратовская губерния, вытянувшись вдоль правого берега Волги, занимала территорию юго-восточной части Европейской России. Волга, прочно вошедшая в народную память как «великая русская река», «Волга-матушка», в значительной степени определяла ритм и характер жизни населения городов Саратовской губернии. Главная транспортная артерия региона, как магнит, притягивала массы пришлого люда.

Анализ изученного материала позволил выявить зависимость между административным статусом города, уровнем его торгово-промышленного, культурного развития и степенью сформированности признаков городской культуры индустриального типа. Уездные города обладали большими возможностями для развития, однако их связь с сельским миром по-прежнему была очень крепка.

Наиболее древним городом Саратовской губернии являлся Царицын, основанный в виде сторожевой крепости в 1589 г. и вплоть до конца XVIII в. развивавшийся как военно-административный центр. Преобладающая часть городов губернии создавалась по распоряжению правительства путем возведения сел в городское достоинство [1, с. 279]. Став уездными городами по статусу (1780 г.), они еще

долгое время продолжали оставаться селами как по внешнему виду, так и по уровню развития. Подобное несоответствие ярко бросалось в глаза, позволяя А.Н. Минху, крупному исследователю Саратовского Поволжья, в середине XIX в. восклицать: «Кто не знает наших уездных городов – Аткарска, Петровска, Сердобска и Кузнецка, где так мало прогрессивного движения в обществе, где мало капиталов, а еще меньше промышленного движения» [10, с. 171].

Реформы второй половины XIX в. обозначили новый этап в развитии русского города – главного проводника и оплота политики модернизации. Разрыв между культурой столиц и провинциальных городов, прежде всего губернских и уездных центров, стал заметно сокращаться. Это было обусловлено расширением возможностей культурно-информационной среды (как результат ускоренной технизации), повышением образовательного уровня и повышением культурных запросов городского населения.

Интенсивное железнодорожное строительство, развернувшееся в пореформенное время, имело большое значение для развития нижеволжских городов и региона в целом. В этом плане интересны рассуждения П. Усова о значении прокладки Волго-Донской и Грязе-Царицынской железных дорог в судьбах Царицына, Дубовского Посада, Камышина. Жители Дубовки и Камышина, отказавшись от проведения железнодорожных путей, исходя из размышлений автора, сильно прогадали. В результате Царицын уже «убил» их в торговом отношении и «...ежегодно разрастается и богатеет», в то время как два некогда важных нижеволжских торговых центра «...приходят в упадок» [14, с. 36–37].

Если в 1860-х Аткарск представлял из себя маленький захолустный уездный городишко и прозывался соломенным городком, то с проведением здесь Тамбовско-Саратовской железной дороги (1872 г.) «город стал возрождаться и шириться» [9, с. 42].

Подобных свидетельств современников, связывающих уровень развития городов с состоянием железнодорожных и водных путей сообщения, в ходе исследования было выявлено очень много. Примечательно, что железная дорога (точнее – железнодорожная станция) часто выполняла своеобразную роль «локомотива урбанизации».

Уездные города Саратовской губернии в массе своей подпадали под категорию «малых городов», которые, согласно данным ЦСКМВД Российской империи, преобладали на всей

территории страны и насчитывали 5–20 тыс. жителей [5, с. 390]. Ярким исключением был пореформенный Царицын – «Русский Чикаго», активное торгово-промышленное развитие которого обеспечило невиданный для уездного города демографический рост. Как следствие, довольно быстро «“этот современной и новейшей формации Чикаго” двинулся с мертвой точки культурного застоя и начал заводить все, как в лучших городах или даже пограничному» [4, с. 12].

По материалам Всероссийской переписи 1897 г., городское население Саратовской губернии составляло лишь 12,8% всей численности, в то время как сельское – 87,2%. При этом около половины всех жителей в городах губернии составляли неместные уроженцы (47,79%), главным образом лица сельского состояния, устремлявшиеся в города на заработки [12, с. 4, 8].

Сопоставление статистических данных позволяет утверждать, что в крупных торгово-промышленных центрах с развитой транспортной инфраструктурой, таких как Саратов, Царицын, Вольск, доля неместных уроженцев была значительно выше по сравнению с экономически менее привлекательными «малыми городами» типа Аткарска, Сердобска (Там же, с. 2, 34).

Таким образом, уровень горизонтальной социальной мобильности населения находился в прямой зависимости от торгово-промышленного статуса города. Города с высокой долей пришлого населения с некоторой долей условности можно отнести к особому типу «города мигрантов», в наибольшей степени подверженного противоречиям процесса модернизации.

По мнению исследователя Ю.А. Бухаровой, основными носителями массовой городской культуры в уездных городах Саратовской губернии были мещане и купцы. Они составляли средний культурный слой, который должен был нивелировать существовавший в России разрыв между элитарной и народной культурой [3, с. 14]. Подобная позиция представляется несколько преждевременной, говорить о сложившейся массовой городской культуре в обозначенный период не представляется возможным. Хотя автор, безусловно, прав, рассматривая мещан и купцов как основных представителей городского сословного общества.

Развитие уездных городов Саратовской губернии осуществлялось в русле сложившихся местных историко-культурных традиций. Территория Нижнего Поволжья изначально формировалась как особая фронтальная зона

между Великой Степью и Московией, пронизанная духом «понизовой вольницы», главным выразителем которого долгое время являлось донское казачество.

По меткому замечанию современника, «старая удаль, разбойническая повадка и ухарство, постепенно выветриваемые временем и изменившимися обстоятельствами, но глубоко засевшие в привычки Поволжского населения, в бледных чертах и намеках остались и теперь...» (Саратовский Листок. 1898. № 26). Не случайно в «Обзоре Саратовской губернии в политическом отношении за 1896 – 97 год» начальник Саратовского губернского жандармского управления полковник А.И. Иванов активно использовал материал данной статьи для обоснования собственных воззрений на природу поволжского населения, к «видовым признакам» которого он относил «настоящую грубость» и «натуральную дерзость» [6, л. 2–3].

Специфику социокультурному развитию городов и в целом региона придавало наличие раскольничьего элемента. В справочных изданиях конца XIX – начала XX в. единодушно указывалось на крепость раскола в Поволжье. Почти все селения от Сызрани до Вольска включительно были обязаны своим происхождением раскольникам. Уездный город Хвалынский считался гнездом раскола – «старообрядческой Палестиной», а его Черемшанские скиты – «Каабой» для всех раскольников [8, с. 176, 180; 13, с. 263–264].

В изучаемый период города Саратовской губернии по-прежнему славились антисанитарией, нередко производя на современников впечатление «громадных», «серых», «бедных», «грязных», «пыльных», «азиатских» селений. Данные образы в полной мере применимы для конца XIX в., когда города только начинали благоустраиваться, причудливым образом сочетая слабо развитую инфраструктуру с медленно и неравномерно внедрявшимися в быт техническими новшествами, такими как водопровод, канализация, электрическое освещение, телеграф и т.д.

Согласно «Городовому положению 1870 г.», вопросы заботы о городском благоустройстве входили в перечень обязанностей городской Думы. На практике расходы на благоустройство были незначительны и распространялись преимущественно на центральные кварталы городов. Большинство постановлений городских дум носили рекомендательный характер, тяжесть ответственности перекладывалась на домовладельцев [7, л. 1, 4–5]. В итоге в пределах капиталистиче-

ского города резко выделялись две части – фешенебельный центр и неблагоустроенные рабочие окраины.

При сохранении сословного характера культуры в пореформенное время активно развернулись процессы демократизации всех сторон жизни. Структура досуга горожан претерпевала знаковые изменения, коснувшиеся в первую очередь общественных форм проведения свободного времени, роль которых постепенно возрастала. Досуг городского населения дифференцировался: у простонародья продолжали доминировать традиционные формы, у остальных – новые.

Численность новых досуговых центров, таких как театры, кинематограф, публичные библиотеки, музеи и др., по мере развития городов увеличивалась. Так, в дореволюционном Царицыне функционировали четыре театральные залы: в здании Общественного собрания (1904 г.), здании «Конкордия» (1906 г.), мюзик-холле «Парнас» (1915 г.), в Доме науки и искусства (1915 г.). В 1910 г. в Царицыне действовало четыре кинотеатра, включая театр «Модерн». При активном участии купца В.О. Лапшина и Царицынского Общественного Собрания в 1900 г. состоялось знаковое для уездного города событие – открытие городской публичной библиотеки, а в 1914 г. по инициативе Общества содействия внешкольному образованию открылся Царицынский городской музей.

Показательно, что далеко не каждый уездный город мог похвастаться таким «обилием» культурных учреждений. Чем крупнее и богаче был город, тем больше возможностей открывалось перед общественностью, тем разнообразнее была культурная жизнь и выше запросы населения. На фоне уездных городов Саратовской губернии начала XX в. выделялся Царицын, за ним шли Вольск, Балашов. В плане городского благоустройства, оснащенности учебными заведениями следует отметить относительно малочисленный город Аткарск. Подобное «отрадное» положение дел современники связывали с заслугами городского головы, дворянина Ф.Н. Павлюкова [9, с. 21, 34].

Таким образом, социокультурное развитие городов Саратовской губернии осуществлялось в рамках перехода от традиционной городской культуры доиндустриального общества к городской культуре индустриального типа. В силу особенностей, присущих провинциальной культуре, новые веяния в развитии русского города причудливым образом переплетались с традиционным укладом, порождая рост социокультурных противоречий.

Литература

1. Адрес-календарь Саратовской губернии на 1902 год. Саратов, 1901.
2. Алисов Д.А. Административные центры Западной Сибири: городская среда и социально-культурное развитие (1870–1914 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2007.
3. Бухарова Ю.А. Социокультурный облик уездных городов Саратовской губернии в конце XIX – начале XX века : дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2006.
4. «Весь Царицын» на 1902 год. Адрес-календарь, торгово-промышленная и справочная книга. Царицын, 1901.
5. Города России в 1904 году. Спб., 1905.
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 96. 3-е делопроизводство. 1898 г. Д. 1.
7. Государственный архив Саратовской области. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1090.
8. Лепешинская А., Добрынин Б. Волга / под ред. А.А. Крубера. М., 1911.
9. Минх А.Н. Город Аткарск: материалы для историко-географического описания Саратовской губернии. Аткарск, 1908.
10. Минх А.Н. Наша статистика (Из недавнего прошлого) // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1903. Вып. 23. С. 167–202.
11. Опыт российских модернизаций XVIII – XX вв. / отв. ред. В.В. Алексеев. М., 2000.
12. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. XXXVIII. Саратовская губерния / под ред. Н.А. Тройницкого. Спб., 1904.
13. Сидоров В.М. По России. Ч. 1. Волга. Путевые заметки и впечатления от Валдая до Каспия. Спб., 1894.
14. Усов П. наброски на Волге (путевые впечатления 1883 года) // Новь. 1891. № 9–10. С. 36–42.

Culture of the Russian province at the end of the XIX – beginning of the XX century (on the basis of the material of county towns of Saratov province)

There are regarded the peculiarities of formation and development of the Russian province culture at the period of early industrial modernization. On the basis of the material of county towns of Saratov province, there are revealed the basic factors of development and functioning of the city culture environment.

Key words: *province culture, county town, modernization, urbanization, city culture of the industrial type.*

Н.М. КОГАЕВА
(Элиста)

**СТОЛЫПИНСКОЕ
ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО В КАЛМЫКИИ**

Освещены малоизученные вопросы проведения столыпинского аграрного законодательства в Калмыкии. Подробно охарактеризованы переселенческая политика и Столыпинская аграрная реформа в Калмыкии. Работа основана на широком круге источников, впервые вводимом в научный оборот.

Ключевые слова: *калмыки, кочевники, Столыпинская реформа, землеустройство, переселенческая политика.*

Аграрная политика российского правительства в Калмыкии в начале XX в. относится к малоизученным вопросам. Эта проблема лишь фрагментарно затрагивается в монографиях А.Н. Команджаева и А.И. Наберухина [5; 6]. В связи с этим автор, основываясь на архивных источниках, анализирует некоторые аспекты проведения столыпинского землеустройства на территории проживания калмыков-кочевников.

На обострение земельного вопроса в Калмыкии начала XX в. влиял ряд обстоятельств. Так, немаловажным был процесс перехода калмыков к оседлости, вызванный глубокими социально-экономическими причинами. В исследуемый период ряд аймаков, хотонов, хурулов и отдельных лиц просили о наделении землей по указу о заселении дорог 1846 г.* К этому их побуждало стремление осесть и постоянная боязнь остаться вообще без земли, поскольку неясность территории и туманные границы калмыцкого общинного землепользования являлись предметом острых споров и последовательных отводов калмыцких земель в разряд арендных участков (оброчных статей). В связи с этим многие лица и целые общества были вынуждены в этих условиях соглашаться на весьма тяжелые условия для оседания. В силу почвенно-климатических условий Калмыцкой степи норма 30 дес. на мужскую

* Инструкция о заселении дорог 1846 г. предполагала передачу в собственность калмыцким семьям, переходящим к оседлости, участков земли по определенным нормам. Аймак – территория, соответствующая волости. Хотон – населенный пункт, равнозначный селу. Хурул – буддийский монастырь.